

Глава 14

Песнь обиды

Десять лет назад.

Сюэлянь вторглись на границы владений Сихэ, уничтожив множество школ с духовным корнем огня. Обитель Сихэ, как главный оплот огненных заклинателей, вступила с ними в бой. Кровавая битва длилась несколько месяцев, но из-за неблагоприятных погодных условий они несли тяжёлые потери.

Дань Фэн вызвался добровольцем и в одиночку проник в запретную землю Сюэлянь — на озеро Белой Пагоды. Он уничтожил девять алтарей и убил девять их хранителей. Ледяная равнина превратилась в кровавую реку.

Но этого было недостаточно.

Последний алтарь так и не появился, а его хранитель где-то отсиживался. Ученики Сюэлянь снаружи по-прежнему были под защитой и могли возрождаться после смерти. Воины Обители Сихэ всё ещё были заперты в бесконечной кровавой бойне.

Дань Фэн, оперевшись на клинок, медленно поднялся со снега. Все артефакты для связи вышли из строя. Он полностью потерял контакт с внешним миром, и в ушах стояла лишь оглушающая тишина.

Время на озере Белой Пагоды текло иначе, чем снаружи.

Но каждая секунда промедления стоила Обители Сихэ слишком дорого.

В следующие десять дней Дань Фэн исходил всю ледяную равнину, одновременно исследуя её и пытаясь играть на отнятой у врага Флейте из карнизного льда.

Первый день — дьявольский вой.

Второй день — сотрясение небес и земли.

Третий день ему в голову пришла внезапная мысль, и он сыграл мелодию, оскорбляющую духа снега. Звук был яростным, словно кипящий в горне металл, и постоянно срывался. Ни один ученик Сюэлянь не смог бы вынести такого оскорбления.

Но всё это время на ледяной равнине раздавался лишь его собственный ужасный писк.

Вскоре он понял, кто его настоящий враг, наконец показавший своё лицо, — это безграничное, всепоглощающее одиночество.

Для строительства алтарей озеро Белой Пагоды превратили в братскую могилу.

Когда-то это был крупный город Срединных земель с многочисленными пагодами и храмами, старинными павильонами и бамбуковыми рощами. «Двадцать четыре моста в лунную ночь» — всё это было уничтожено злыми техниками Сюэлянь и погребено под многометровым слоем льда. Это означало, что, кроме него, на всей этой ледяной равнине не было ни единой живой души.

Лунный свет был холодным, и даже лёд, казалось, дымился.

Лишь белые пагоды возвышались над ледяной равниной, как безымянные могилы. Такой домашний очаг был хуже, чем его отсутствие.

Стоя у пагоды, мелодия Дань Фэна незаметно изменилась.

Простая народная песенка, словно порыв зелёного весеннего ветра, зазвучала в тишине. Он не помнил её целиком, и от этого на душе становилось тоскливо.

Странно, где он её слышал? Не стоило её играть.

Его пальцы замерли. Он вдруг почувствовал что-то неладное, и по спине пробежал холодок.

Не так — его тень двигалась. Тонкий палец коснулся отверстия на флейте и тут же исчез, снова спрятавшись в его тени.

Это не было галлюцинацией.

Дань Фэн резко обернулся. Край чужой одежды, лёгкий, как шёлк, мелькнул и тут же исчез.

Всё ещё здесь? Попалась. Словно застенчивая девушка, прижимается к нему.

Всего лишь тень. Где же её хозяин?

Дань Фэна охватил азарт. Он отбросил флейту и начал танцевать с клинком. В свете луны, между пагодами, его фигура взмывала и опускалась, его движения были широкими и мощными.

Он не произносил ни слова, но на его губах играла злая усмешка.

Трусливая тварь, научилась играть на флейте, а танцевать с клинком научилась?

Именно в этот момент он услышал прерывистые звуки флейты.

Это была та самая мелодия, которую он только что играл. Сначала неуверенно, но вскоре она полилась из флейты ровным потоком. Это уже не были повторяющиеся две-три ноты. Песня, которую он почти забыл, здесь, в этом безлюдном месте, была дополнена.

Дань Фэн заслушался и резко обернулся. На земле колыхалась слабая тень, изящная и тонкая, как у прекрасной девы. Она держала в руках тень флейты и, склонив голову, играла.

Оказывается, она пришла только для того, чтобы поиграть на флейте.

Неужели так ужасно? Даже прячущийся в тени ученик Сюэлянь не выдержал и выхватил флейту, чтобы сыграть самому. Дань Фэн быстро отбросил эту мысль. Хотя звук флейты и был гармоничнее его собственного, мелодия становилась всё более и более резкой, словно в ней была заключена древняя ненависть и пронзительная тоска, которые сверкали в звуках, как лезвия.

Весенний ветер, не вернувшийся в родные края, сколько в нём тоски, сколько ненависти!

Предчувствия Дань Фэна скоро оправдались. Флейта из карнизного льда взвизгнула и, не выдержав такого напряжения, взорвалась в руках тени.

Тень на мгновение дрогнула и исчезла.

— Эй, не уходи! Моя флейта! — крикнул Дань Фэн.

Эта неизвестная тень не только не доучилась, но ещё и сломала его единственное развлечение.

Но вскоре он обнаружил, что тень не ушла далеко. Напротив, она следовала за ним ещё более открыто. Каждый раз, когда он оборачивался, он видел её одинокую фигуру на одной из пагод.

Недалеко и неблизко, словно и рядом, и в то же время нет.

Дань Фэн, как ученик Обитатели Сихэ, был человеком прямым. Раз уж встретились, если друг — поболтаем, если враг — скрестим клинки. К чему висеть над душой, как натянутая струна?

Дань Фэн остановился и, прислонившись к пагоде, сказал:

— Тень, ты так следуешь за мной, ты наёмный убийца? Убить меня будет нелегко.

— Ты не похожа на ученика Сюэлянь, как ты сюда попала? Неужели всё время следовала за мной? Такая глубокая ненависть?

— Тень, ах, тень, ты так молчишь, у тебя есть лишь облик, неужели у тебя нет рта? Неудивительно, что ты не пьёшь и не ешь.

Он говорил без умолку, часто довольно дерзко, но тень лишь молча стояла на пагоде.

Дань Фэн криво усмехнулся:

— Неужели из-за того, что я ужасно играю на флейте...

Именно в этот момент тень тихо хмыкнула.

— Ты умеешь говорить? — изумился Дань Фэн. — Не может быть!

— Ужасно, — сказала тень.

Голос был безэмоциональным, нельзя было определить, мужской он или женский. В нём не было отвращения, лишь холодная констатация факта, словно столкновение двух кусков нефрита.

— Это не моя вина, — сказал Дань Фэн. — Ты же видела, у этой флейты всего несколько кривых дырок. Даже ученики Сюэлянь играют на ней, как вороны...

Тень на мгновение задумалась и сказала:

— Понятно. Они заслуживают смерти.

В тот момент, когда Дань Фэн спровоцировал её на разговор, он понял, что эта тварь была наивна и, возможно, из-за своей призрачной природы, её было легко обмануть.

— Тень, — усмехнулся Дань Фэн, — когда ты вошла, ты видела алтарь?

— Вошла? Я услышала карканье вороны... кажется... я тебя знаю.

— Ты меня знаешь? А не боишься ошибиться? — сказал Дань Фэн. — Подойди, посмотри на меня при лунном свете, на мои глаза, нос, брови...

Не успел он договорить, как почувствовал, что что-то холодное и мягкое коснулось его бровей,

а затем и переносицы.

Тень, неизвестно когда, оказалась рядом с его собственной тенью и медленно обводила контуры его лица. Это было непередаваемое, вызывающее дрожь щекотание. Сердце Дань Фэна пропустило несколько ударов, и в груди стало как-то кисло.

— Я не знаю, — с недоумением сказала тень. — Я тебя не видела.

Долг платежом красен.

Дань Фэн всю жизнь не мог подавить в себе инстинкт охотника, и смелости у него было не меньше.

— Но ты сломала мою флейту.

Тень замерла и быстро отдёрнула руку.

— Она не твоя.

— Ты всё видела? Разве убить и ограбить не требует усилий? Все эти дни только она и спасала меня от скуки. Это была дружба на грани жизни и смерти... Эй, куда ты? Я же не вымогаю у тебя деньги.

Дань Фэн, видя, что тень становится прозрачнее, схватил её.

Это было скорее не прикосновение, а кратковременное слияние двух теней. Ощущений, конечно, не было, но пустота в пальцах всё же заставила его замереть.

Какое у неё тонкое запястье. И одета она так легко. Неужели сбежавшая откуда-то девушка? Нет, в наше время сбежать могли, пожалуй, только одинокие призраки.

— ...Я не требую с тебя долг. Раз флейта сломана, я сделаю новую. Я просто спрашиваю, хочешь научиться?

Тень не вырывалась и через мгновение села рядом с ним.

Попалась. Она очень любопытна.

Дань Фэн провёл рукой, отколов кусок льда длиной в два пальца, и начал медленно его обтачивать.

— Тень, ты целыми днями летаешь, наверняка всю эту ледяную равнину обошла. Видела здесь кого-нибудь ещё?

Тень покачала головой:

— Я следую только за тобой.

— Ты же говорила, что я ужасно играю на флейте. Почему не пыталась сбежать?

— Мне страшно выходить. Там очень шумно и больно.

Вот оно что. Озеро Белой Пагоды было окружено вихрем хаотичных ледяных лезвий. Он не один пытался сюда проникнуть, но все остальные были изрублены в куски.

Тень может войти, но боится выйти? Неужели она вошла вместе с ним?

Сердце Дань Фэна дрогнуло. Видя, что она такая наивная и отвечает на все вопросы, он не хотел прекращать разговор.

— Плохи дела. Нас заперли злодеи. Если не найдём выход, умрём с голоду.

— Я не голодна.

— Не голодна, а разве не хочешь чего-нибудь вкусного? У меня есть немного грубого зерна, вкус, конечно, так себе.

Тень коснулась его пальцем:

— Не хочу, это как птичий корм.

— Какой ещё птичий корм... Тень, откуда у тебя вино!

Дань Фэн боковым зрением заметил что-то и чуть не подпрыгнул. В руках у тени появился кувшин для вина, старинный, и в нём плескалась жидкость. А мгновение назад её руки были пусты.

— Изо льда, — сказала тень.

Изо льда?

Она может доставать предметы изо льда?

Глаза Дань Фэна загорелись, но звук плещущейся жидкости заставил его насторожиться.

Происхождение тени было неизвестно. Если подумать о худшем, то она могла прятать своё настоящее тело подо льдом, а тенью лишь прикрываться. Если бы у него не было такой осторожности, на его могиле уже бы иней лежал.

Насколько он знал, в позвоночнике учеников Сюэлянь был сегмент, называемый снежной костью, невероятно холодный.

Дань Фэн откинулся на пагоду и сказал:

— Плохо дело, тень. У меня руки отнялись, в горле пересохло... должно быть, в снегу яд. Боюсь... я не смогу доделать флейту!

— Ты хочешь выпить, — сказала тень.

— Тень, ах, тень, если я избавлюсь от яда, я смогу сделать лучшую флейту в мире.

— Я могу, — тихо сказала тень. — Лжец, твоя флейта квадратная.

Дань Фэн вскочил, посмотрел на угловатую флейту в своей ладони и, не моргнув глазом, сказал:

— Великий звук не имеет формы, великое мастерство не требует украшений. Лучшая флейта в мире снаружи квадратная, а внутри круглая...

На мгновение он забыл, что хотел сказать, потому что тень повернулась к нему, её взгляд был нематериальным, но движение волос создавало впечатление, что она внимательно слушает.

— Хорошо, — сказал Дань Фэн, помолчав. — Немного не хватает. Хорошая флейта должна быть удобной, чтобы можно было одним ударом убить врага. Но я не знаю толщины твоих пальцев, и не могу просверлить отверстия.

Тень, как и ожидалось, начала рассматривать свои пальцы.

Дань Фэн коснулся своих бровей и сказал:

— Глаза обманывают, на глаз не измерить. Ты должна позволить мне прикоснуться.

В эту чушь не поверил бы и трёхлетний ребёнок, и тень, естественно, замолчала. Дань Фэн усмехнулся, вытянул ноги и положил флейту на колени. Он взялся за дело всерьёз, и под его пальцами ледяные стружки посыпались на землю. На флейте постепенно проступали тонкие узоры, а внутри она была от природы лиловой, что придавало ей необычайную красоту.

Он разжал пальцы, прижал их к флейте и приготовился надавить.

— Жаль, жаль, если я сейчас просверлю, то когда ты будешь играть, она будет свистеть...

Несколько холодных, тонких пальцев коснулись его руки и крепко схватили её. Неизвестно, как ей это удалось, но прикосновение было гораздо более реальным, чем раньше. Дань Фэн, несмотря на свой боевой опыт, не смог сдержаться. Вены на его руке вздулись, и он, схватив тень за запястье, прижал её к пагоде!

Когда он опомнился, его жестокое деяние было отчётливо видно в отражении на пагоде. Его тень, словно чёрная туча, накрыла её, оставив на виду лишь тонкое, зажатое запястье. Это было похоже на издевательство над слабым.

— Прости, я... — Дань Фэн запнулся. — Я потом извинюсь.

Раз уж начал, то как не проверить её позвоночник?

Он действовал молниеносно, и ему потребовалось бы всего мгновение, чтобы прощупать весь позвоночник, но то, что он почувствовал, заставило его замереть. Это была сильная дрожь, которая, казалось, исходила из самой души, и она была вызвана не гневом, а первобытным страхом, который вырвался наружу в тот момент, когда он прикоснулся к ней.

Как птица. Птенец с полыми костями, пойманный в ладонь, уже с выпотрошенными внутренностями.

На мгновение Дань Фэн подумал, что его пальцы — это ножи. Он привык к гневу и ненависти врагов, но не мог действовать перед лицом такого ужаса. И в это мгновение замешательства в его груди взорвалась боль, и его отбросило мощным ударом!

— Не... трогай... меня!

Когда снежная пыль осела, Дань Фэн вскочил на ноги, выплюнув сгусток крови. Ледяная флейта торчала у него из груди. Хоть она и не задела жизненно важных органов, на ней застыл слой кровавого льда. Он вытащил флейту и впился взглядом в пагоду. Тень всё ещё дрожала, её рука безвольно висела, а фигура то становилась чёткой, то расплывалась, как отражение в воде под дождём.

— Не двигайся, — крикнул Дань Фэн. — Твоя техника выходит из-под контроля, сосредоточься!

Жемчужина, конденсирующая снег, поможет успокоиться, держи.

Подойти было невозможно.

Из-за того, что тень потеряла контроль, вокруг пагоды стих ветер и прекратился снег, но в воздухе витала невидимая, невероятно яростная аура убийства.

Жемчужина, которую бросил Дань Фэн, не долетев до пагоды, рассыпалась в пыль.

Даже он, мастер боевых искусств, сейчас бы погиб, если бы подошёл. Нужно было найти слабое место. В чём была её проблема?

Единственное, что их связывало, — это та мелодия. Что ж, попытка не пытка. В худшем случае его ещё раз проткнут флейтой!

Он поднёс кровавую ледяную флейту к губам, и из неё вырвался звук.

Эту мелодию он уже хорошо знал, но из-за раны в груди его дыхание было прерывистым, и к яростному, стремительному мотиву добавилась нотка пронзительной кровавой ярости.

Зачем жаловаться флейте...

— А-а-а-а!

В тот же миг тень на пагоде, словно пронзённая тысячей стрел, закричала и, схватившись за голову, с силой вонзила пальцы в волосы.

Плохо, не так надо было играть. Это должна была быть... нежная, как весенний ветерок, песенка. Следуя этому едва уловимому чувству, мелодия с трудом стала мягче.

Дань Фэн вложил в это всё своё терпение. Нежная мелодия окутала тонкую спину тени. Она начала тяжело дышать, её пальцы разжались, и она, казалось, хотела прислушаться. В то же время несколько снежинок подлетели к пагоде, медленно закружились и лишь через мгновение рассыпались.

Аура убийства ослабла. Это был его шанс.

Дань Фэн бросился к пагоде. Аура всё ещё причиняла ему сильную боль, но уже не была смертельной.

— Не бойся... не бойся меня, я не причиню тебе вреда, — стиснув зубы, сказал Дань Фэн. —

Держи, жемчужина, тень!

Тень медленно подняла голову. На мгновение Дань Фэну показалось, что её холодные, как шёлк, волосы коснулись его руки.

Хотелось отвести её растрёпанные волосы, посмотреть ей в глаза. Наверняка они сейчас были полны сменяющих друг друга, как в битве света и тени, тоски и ненависти.

— Я не знаю, что ты ненавидишь. Но если подумать, если ты исчезнешь, то даже одиноким призраком не станешь. Вся ненависть, все обиды — всё забудется... ты этого хочешь?

— Я... — дыхание тени, казалось, исходило из самых глубин её существа. — ...Нет!

Её тонкие пальцы шевельнулись.

Чистый свет жемчужины упал на её ладонь, и она крепко сжала её. В то же мгновение все призрачные тени вокруг были притянуты к ней неукротимой волей и начали сливаться с ней.

Нет, это было не просто слияние, а какое-то беспощадное поглощение!

Что-то ещё, невидимое и вязкое, пришло в движение на этой ледяной равнине. В потоке теней, похожем на клубок змей, фигура тени быстро становилась плотнее. Её волосы заструились, и ранее размытые черты лица прояснились, словно туман рассеялся. В её красоте была леденящая, острая, как лезвие, угроза.

Тень сидела в лунном свете на пагоде, подперев щеку рукой, и смотрела на него.

Красавица под луной, но намерения у неё недобрые.

Плохо дело, душа вернулась. Эта леденящая душу зловещая аура... кажется, он пробудил что-то очень страшное.

Дань Фэн встретился с ней взглядом и, вспомнив свои недавние уловки, с силой потёр переносицу.

— Тень, твоя техника очень зловещая, последствия непредсказуемы. Может... я ещё раз сыграю?

Не успел он договорить, как тень шевельнула пальцами, и кровавая ледяная флейта в его руке с треском разломилась.

— Вторая... — сказал Дань Фэн.

— Убирайся, — ледяным тоном произнесла тень.

Наивность исчезла, и она перестала быть милой.

Дань Фэн мысленно повторил про себя «делай добро и не жди награды» и «жизнь и смерть в руках судьбы, счастье и несчастье предначертаны небесами», а затем, не говоря ни слова, повернулся и бросился к следующей пагоде.

Его предчувствия были верны. Через мгновение пагода за его спиной с грохотом рухнула, и снежный водопад взметнулся на несколько чжанов в высоту. Тень освоила свою технику, но ей всё ещё нужно было питаться кровью, а где на этой огромной ледяной равнине найти второго живого человека?

Со временем она станет достойным противником.

Ладони Дань Фэна зачесались, и клинок Фэнъе за его спиной, словно почувствовав это, зажужжал, но он шлёпнул по нему ладонью.

— Какая драка? Когда двое дерутся, третий радуется. Ты же хороший клинок, почему у тебя нет мозгов? — упрекнул он его. — Есть время на вызов, а где тень Сюэлянь?

Клинок Фэнъе, как и он, растерянно огляделся и через мгновение молча скользнул обратно за его спину.

Добравшись до другой пагоды, Дань Фэн вдруг что-то осознал и поднял голову.

Луна изменилась. Полумесяц, который висел на небе более ста дней, незаметно превратился в холодный, почти ослепительный полный диск.

Этот лунный свет не был умиротворяющим.

Ледяная равнина под его ногами стала тоньше на чжан, и мир подо льдом приближался к нему.

Двадцать четыре моста в лунную ночь. Всё та же пустая красота. Ряд нефритовых фигур на мосту, придворные дамы, замороженные более десяти лет, молча подняли на него головы. Они держали в руках нефритовые флейты, и их лица, наконец, стали отчётливо видны, но они были сине-чёрными, как у замёрзших насмерть.

У-у-у-у.

Из нефритовых флейт вырвался короткий скорбный звук.

Мертвецы, конечно, не играют на флейтах.

Дань Фэн быстро понял, что ему больше не придётся скучать в одиночестве. В эту долгую полнолунную ночь его ждали холодные друзья.

Последний хранитель алтаря Сюэлянь, оказывается, владел техникой управления ледяными трупами. А это место, называемое озером Белой Пагоды, было братской могилой, в которой был погребён целый город!

<http://bllate.org/book/16978/1583378>